

Генри
Райдер Хаггард
МЕСТЬ МАЙВЫ

Генри Хаггард

МЕСТЬ МАЙВЫ

<https://litres.ru/74057673>

SelfPub; 2026

Аннотация

Перед вами новый перевод романа Генри Райдера Хаггарда, выполненный Сергеем Церингом. Текст дан без сокращений и адаптаций, а язык перевода стремится сохранить интонации и дыхание викторианского приключенческого романа — ту живую, немного торжественную манеру повествования, которая сделала Хаггарда классиком литературы путешествий и открытий.

Африка конца XIX века. Огромные, почти нетронутые земли, где племена воюют друг с другом, захватывают рабов и чтут жестокие древние обычаи. Где хищники не знают жалости, а белый человек — лишь чужак в чужом и опасном мире.

Вместе с охотником Алланом Квотермейном читатель продирается сквозь дикие пространства, полные засад, предательства и крови. Племенные войны, работоторговля, ритуалы и схватки с опасными зверями — и посреди всего этого месть, которую замыслила Майва: беспощадная, как сама Африка.

Генри Райдер Хаггард

МЕСТЬ МАЙВЫ

Предисловие

Предвосхищая упреки в чрезмерном вымысле, хочу заметить, что описанные в сем повествовании ужасы, связанные с «Кусающейся штукой», равно как и многие иные злодеяния, приписываемые Вамбе, не суть порождения фантазии.

Мандара, вождь восточного берега Африки, употреблял львиную ловушку для своих ужасных забав, а Т'Чака, зулусский Наполеон, убивал собственных детей. Более того, обнаружив, что мать его, Унанди, тайно растит одного из его сыновей, он, подобно Нерону, умертвил её своей рукой.

Гобо наносит удар

Как-то, примерно через неделю, как Аллан Квотермейн рассказал мне историю о “Трёх львах” и гибели Джим-Джима — мы возвращались с ним домой после дневной охоты. В его владении была пара тысяч акров охотничьих угодий вокруг дома в Йоркшире, и более сотни из них занимал лес. Жил он там уже второй год, и, будучи заядлым охотником, равно ловко управляющимся и с дробовиком и винтовкой, для страсти своей вырастил довольно приличное количество фазанов.

Охота у нас вышла удачной. Одних вальдшнепов мы убили двадцать семь, да трёх куропаток, в придачу.

По пути нам предстояло пройти через длинную узкую рощу, что была излюбленным местом бекасов, да обычно укрывала одного-двух фазанов.

— Как полагаете? — спросил Квотермейн. — Пройдёмся ка ещё здесь напоследок?

Я согласился, и он подозвал егеря, который следовал за нами с небольшой группой загонщиков, и велел тому прочесть рощу.

— Как прикажете, сэръ, — ответил человек, — но уже становится темно, и ветер усиливается. Вам будет нелегко попасть в вальдшнепа, если в роще таковой и имеется.

— Вы показывайте нам вальдшнепов, Джеффрис, — ответил Аллан, не терпевший, когда ему перечили в вопросах, связанных с охотой, — а мы уж позаботимся о том, чтобы подстрелить их.

Человек повернулся и побрёл прочь с весьма угрюмым видом. Я слышал, как он сказал помощнику: “Хозяин довольно хорош, я не говорю, что это не так, но если он подстрелит вальдшнепа в таком освещении и при таком ветре, то я голландец”.

Думаю, Квотермейн тоже его слышал, хотя ничего и не сказал. Ветер усиливался с каждой минутой, и к тому времени, когда начался загон, тот дул с просто невероятной силой. Мы с Алланом встали по разным краям рощи, шагах в соро-

ка друг от друга. Вскоре над мной промчался петух-фазан. Я выстрелил дуплетом. Первый заряд прошёл мимо, однако, второй птицу достал. Я был более чем доволен собой, ибо цель была не из лёгких.

В слабом свете я увидел, как Квотермейн одобрительно кивнул головой, когда сквозь скрип деревьев и шум ветра я услышал крики загонщиков: “Вальдшнеп впереди, вальдшнеп справа”. Вскоре их крики слились в единый гвалт: “Вальдшнеп справа”, “Вальдшнеп слева”, “Вальдшнеп над нами”.

Я глянул вверх и вскоре заметил одного из вальдшнепов, летящего на меня по ветру. В сумеречном свете я видел его достаточно смутно, особенно когда он зигзагами летел между деревьев; на самом деле я мог видеть его только когда двигались его крылья. Вот он пролетает мимо меня — *бах*, и взмах крыла - я промахнулся; *бах* снова. Наверняка он упал!, но нет, он улетел влево.

— Вальдшнеп к вам! — крикнул я, потому что хотел посмотреть, сможет ли Квотермейн “вытереть мой глаз” (прим. перев.: охотничий термин, означающий исправление чужого промаха). Я знал, что он чудесный стрелок, но думал, что этот вальдшнеп не под силу даже ему.

Я видел, как он слегка поднял ружье и наклонился вперёд, и в этот момент на открытое пространство вылетели сразу два вальдшнепа: тот, которого я пропустил, справа от него, а другой — слева.

В тот же момент раздался новый крик: “Вальдшнеп над нами”, и, посмотрев на рошу, я увидел третью птицу, высоко в воздухе, летящую прямо над головой Квотермейна, как коричневый лист, гонимый ветром. Затем последовал самый красивый эпизод стрельбы, который я когда-либо видел. Птица справа летела низко, не более десяти ярдов (*около 9 метров прим.пер.*) от линии живой изгороди, и Квотермейн выстрелил по ней первой, потому что она скоро стала бы неразличима в темноте. На самом деле, никто, у кого не было таких ястребиных глаз, как у него, вообще не смог бы увидеть, куда стрелять. Затем, быстро развернувшись, он выстрелил во вторую птицу с расстояния около сорока пяти ярдов, и снова не промахнулся. К этому времени третий вальдшнеп был практически над ним и, при этом, летел очень высоко, футах в ста (*около 30м. прим.пер.*), а то и больше.

Я видел, как он взглянул на него, открывая своё ружье, и вставляя новый патрон. К этому моменту вальдшнеп был почти в пятидесяти ярдах от него и летел как молния. Подняв ружье, мой спутник выстрелил ему вслед и, как бы удивителен ни был этот выстрел, убил того наповал. Сильный порыв ветра подхватил мёртвую птицу и унёс ее, как лист, сорванный с дуба, так что она упала в ста тридцати ярдах или более.

— Скажите, дружище, — восхищённо сказал я ему, когда подошли загонщики, — и часто вы творите подобные чудеса?!

— Ну, — ответил он усмешкой, — в последний раз, когда мне пришлось зарядить три выстрела так же быстро, это было по более крупной дичи. Это были слоны. Я убил всех троих так же наповал, как тех вальдшнепов; но это едва не обернулось для меня весьма плачевно; я имею в виду, что это они едва не прикончили меня.

В этот момент подошёл егерь: “Не случилось ли вам подстрелить одного из тех вальдшнепов, сэр?” — слышали бы вы количество сарказма, сочившегося в его вопросе!

— Ну да, Джеффрис, — ответил Квотермейн, — вы найдёте одного из них у изгороди, а другого примерно в пятидесяти ярдах в поле слева.

Лицо егеря выразило презрительное удивление; он уже повернулся, чтобы уйти, когда Квотермейн окликнул его.

— Пойдите, Джеффрис, — сказал он. — Видите тот обрезанный ствол примерно в ста сорока ярдах отсюда? Так там должен быть ещё один вальдшнеп в одной линии с ним, примерно в шестидесяти шагах в поле.

— Ну, если это не самая ловкая стрельба... — пробормотал Джеффрис и ушёл.

После этого мы отправились домой. Вскоре, в аккурат к ужину, прибыла ещё пара наших добрых знакомцев: сэр Генри Кертис и капитан Гуд. При этом Гуд разоделся, будто собирался ко двору. Как сейчас помню его костюм дэнди, с жилеткой, украшенной пятью розовыми коралловыми пуговицами.

Это вышел чрезвычайно приятный ужин. Старина Квотермейн был в отличном настроении, вызванном, я думаю, воспоминанием о его триумфе над сомневающимся Джеффрисом. Гуд тоже был полон анекдотов. Он рассказал нам совершенно невероятную историю о том, как однажды он охотился на горных козлов в Кашмире. Этих ибексов, по словам Гуда, он выслеживал течение целых четырёх дней. Наконец, утром пятого дня ему удалось подойти на расстояние выстрела к стаду, которое состояло из великолепного старого барана с такими длинными рогами, что я боюсь упоминать их размеры, и пяти или шести самок. Гуд полз на животе, старательно укрываясь за камнями, пока не оказался в двухстах ярдах; затем он прицелился в вожака. Но в этот момент какой-то местный из горцев появился на тропе. Маленькое стадо незамедлительно бросилось в бегство, только самки, перемахнув через ближние валуны, припустили по склону, тогда как старый баран выбрал более смелый курс - перед ним простиралась огромная расщелина шириной не менее тридцати футов, через которую он прыгнул. Пока тот был в воздухе, Гуд выстрелил в него словно в утку, и, конечно же, не промахнулся. Баран совершил полный кувырок и упал таким образом, что его рога зацепились за большой выступ на противоположной скале. Там он и висел, пока Гуд, после долгого и болезненного обхода, не подобрался ближе, не набросил на него лассо и не вытащил.

Эта захватывающая история о дикой охоте была встречена

незаслуженным недоверием.

— Ну, — сказал Гуд, — если вы, джентльмены, не верите моей истории, когда я её рассказываю — абсолютно правдивую историю, заметьте — возможно, кто-нибудь из вас скажет лучше; меня даже не особо волнует, правдива она будет или нет.

И он погрузился в исполненное достоинства молчание.

— Ну же, Квотермейн, — сказал я, — не позволяйте Гуду превзойти вас, расскажите нам, как вы убили тех слонов, о коих упоминали сегодня вечером после того, как подстрелили вальдшнепов.

— Да, — сказал Квотермейн с усмешкой — незавидная доля пытаться превзойти Гуда. А если вспомнить, того бегущего жирафа, которого, как вы помните, Кертис, Гуд сбил из винтовки “Мартини” с трёхсот ярдов, я бы почти сказал, что это невозможная задача.

Тут Гуд поднял взгляд с видом оскорблённой невинности.

— Однако, — продолжил Алан, вставая и зажигая трубку, — если вам, парни, есть к тому охота, я, так и быть, расскажу вам свою скромную историю.

Не помню, рассказывал я вам уже ранее или нет, но в моей жизни уже была попытка заделаться заправским домоседом, да завести спокойный бизнес. Тогда я открыл в Претории небольшой магазинчик. Но, должно быть сама Судьба была против сего унылого прозябания! Одним словом, я прогорел вдрызг. И собрав последние крохи, я решил вернуться к бы-

лому промыслу.

На тот раз я решил отправиться дальше, чем когда-либо был раньше; поэтому я взял билет за несколько фунтов на торговое судно, что курсировало между Дурбаном и заливом Делагоа. От залива Делагоа я отправился вглубь страны сот-ни на полторы миль, а затем намеревался двигаться на север, к Лимпопо, параллельно побережью. Для предприятия своего я прихватил с собой двадцать носильщиков. В течение первых двадцати дней нашего путешествия мы немало страдали от лихорадки, то есть мои люди страдали, поскольку, я думаю, что у меня был к оной иммунитет. Кроме того, мне было трудно обеспечивать лагерь мясом, потому как, хоть места эти были и малонаселённые, дичи было крайне мало. Действительно, за все это время я едва ли убил что-то крупнее антилопы, а, как вы знаете, их мясо не очень аппетитная пища. На двадцатый день, однако, мы добрались до берегов довольно большой реки, под названием Гонуру. Я пересёк её, а затем направился вглубь страны к большой горной гряде, как я полагаю продолжению, хребта Дракенсберг, который окаймляет побережье Наталя. От этого основного хребта выступает большой отрог, примерно на пятьдесят миль или около того, к побережью, заканчиваясь одной огромной вершиной. Этот отрог, как я обнаружил, разделял территории двух вождей по имени Нала и Вамбе. Территория Вамбе находилась на севере, а Нала — на юге. Нала правил племенем зулусов-метисов, называемых бутиана, а Вамбе — го-

раздо более крупным племенем, называемым матуку, кое явственно принадлежало к банту. Например, у них были двери и веранды в хижинах, они прекрасно обрабатывают шкуры и носят набедренную повязку, а не мучу [прим. перев.: традиционную одежду некоторых африканских народов].

В это время бутиана были более или менее подчинены матуку, поскольку порядка двадцати лет назад последние вероломно напали на них и вырезали большую часть народа. Однако теперь племя восстанавливалось, и, как вы можете себе представить, они не особенно любили матуку.

Говорили, что Вамбе был самым жестоким вождём в этой части Африки и что он хладнокровно убил целую группу английских джентльменов, которые около семи лет тому назад пришли в его страну охотиться на слонов. А в качестве проводника при них случился мой старый друг по имени Джон Эври, и я часто оплакивал его безвременную смерть.

Тем не менее, Вамбе или не Вамбе, я решил охотиться на слонов в его стране. Я никогда не боялся туземцев и не собирался и теперь выбрасывать белый флаг. Я немного фаталист, как вы, парни, знаете, поэтому пришёл к выводу, что, если судьба такова, что Вамбе должен отправить меня к моему старому другу Джону Эври, я должен буду пойти, и на этом всё.

Я знал, что в густых лесах, на склонах и у подножия гор, граничащих с территорией матуку, слонов водилось огромное множество и намеревался охотиться на них со спокой-

ным сердцем.

На третий день от того, как мы впервые увидели горы, следуя по течению реки, мы вошли на территорию устрашающего Вамбе. Однако это было достигнуто не без определённого разногласия между моими носильщиками и мной, поскольку, когда мы достигли места, где, как предполагалось, проходила граница территории матуку, носильщики сели и решительно отказались идти дальше. Я тоже сел и спорил с ними, излагая им свои фаталистические взгляды как мог. Но я не мог убедить их взглянуть на дело так же, как я. “В настоящее время, — говорили они, — их шкуры были целы, но, если они войдут в страну Вамбе без его разрешения, они скоро будут похожи на лист, изъеденный Тсонга (Одно из африканских названий для гусеницы *Morane Gonimbrasia belina*). Очень хорошо для меня говорить, что это будет Судьба. Судьба, несомненно, может бродить по стране Вамбе, но пока они остаются снаружи, они её не встретят”.

— Ну, — сказал я Гобо, моему главному человеку, — и что же ты собираешься делать?

— Мы собираемся вернуться к побережью, Макумазан, — ответил он дерзко.

— Неужели? — ответил я, достаточно желчно. — Только ты, мистер Гобо, и твои люди, никогда туда не доберётесь; и знаешь почему, друг мой? — и я взял магазинную винтовку и удобно уселся, опершись спиной о дерево, — я только что позавтракал, и я с таким же успехом могу провести день

здесь, как и где-либо ещё. Но если ты или кто-либо из этих людей сделаете хоть один шаг отсюда назад, в сторону побережья, я тебя пристрелю; и ты знаешь, что я не промахиваюсь.

Туземец поигрывал копьём, которое нёс — к счастью, все мои ружья были сложены у дерева — и затем повернулся, как будто собирался уйти, в то время как остальные не отводили от него глаз. Я встал и прицелился в него, и, хотя он сохранял храбрый вид и пытался казаться безразличным, но я видел, как он нервно поглядывал на меня всё время. Когда он прошёл около двадцати ярдов, я очень спокойно сказал: — Ну, Гобо, — сказал я, — вернись, или я выстрелю.

Конечно, это был довольно откровенный блеф - у меня не было реального права убивать Гобо или кого-либо ещё, потому что они отказывались рисковать жизнью, входя на территорию враждебного вождя. Но я чувствовал, что, если я хочу сохранить какой-то авторитет, абсолютно необходимо довести дело до последней крайности. Поэтому я сидел там, выходя свирепым как лев, и держал Гобо на прицеле. Тогда он, чувствуя, что ситуация становится напряженной сверхмерно, не выдержал и сдался.

— Не стреляй, Босс, — закричал он, поднимая руку, — я пойду с тобой.

— Я так и думал, — спокойно ответил я, — видишь ли, Судьба ходит и за пределами страны Вамбе, равно как и в ней.

После этого у меня больше не было проблем, потому что Гобо был заводилой, и когда он сломался, остальные тоже подчинились. Когда гармония была восстановлена, мы пересекли границу, и на следующее утро я начал охотиться всерьёз.

Утренняя охота

— Пройдя примерно пять или шесть миль, мы прибыли в один из прекраснейших уголков африканской земли, которые я когда-либо видел вне Кукуаналенда (*Кукуаналенд (Kikuanaland)* — это вымышленное королевство, созданное английским писателем Генри Райдером Хаггардом в приключенческом романе "Копи царя Соломона" (1885) прим. Пер.). В этом месте горный отрог, который выходит под прямым углом к великому хребту, протянувшемуся на север и юг, насколько хватает глаз, весьма изрядно изгибается. И пролегая у его лунообразного сегмента, сверкала серебряным серпом река. На дальней стороне её простиралось безмерное море волнистой земли, естественный парк, покрытый большими участками кустарника — некоторые из них занимали многие квадратные мили. Друг от друга отделены они были то полянами травянистой земли, то дивными рощицами; в некоторых местах высились небольшие холмы, да торчали одиночные гранитные скалы, что вздымались в небо, будто это памятники, высеченные человеком, а не надгробия, поставленные природой над могилой ушедших веков. На западе эта прекрасная равнина граничила с одинокой горой, от подно-

зия которой она спускалась к побережью; но как далеко она простиралась на север, я не могу сказать — мои туземцы предполагали порядка восьми дней пути, до поры, когда она теряется в неизведанных болотах.

На ближней стороне реки пейзаж иной. Вдоль берегов, где земля плоская, были зелёные участки болота. Затем шёл широкий пояс прекрасной травянистой земли, изобилующей дичью, и очень плавно поднимающийся к границам леса, который, начинаясь примерно на тысяче футов над уровнем реки, и покрывал горный склон почти до его гребня. А в том лесу во множестве росли гигантские хвойные деревья.

Некоторые из этих деревьев настолько высоки, что птица на их верхних ветвях оказалась бы вне досягаемости обычного дробовика. Другая особенность заключалась в том, что они по большей части покрыты были густыми зарослями мха Орхилья; и из которого местные жители производят превосходный темно-пурпурный краситель, каковым окрашивают дублёные шкуры, или же ткани, когда им случается раздобыть последние. Не думаю, что я когда-либо видел что-нибудь более примечательное, чем вид одного из этих могучих деревьев, украшенных сверху донизу вьющимися гирляндами жёлто-зелёного мха, коим шевелит ветер. На расстоянии это было подобно седым локонам Титана, увенчанным яркими зелёными листьями и кое-где украшенным богатым цветением орхидей.

Ночью того дня, когда у меня было небольшое разногла-

сие с Гобо, мы разбили лагерь у края этого великого леса, а на следующее утро на рассвете я отправился на охоту. Поскольку нам не хватало мяса, прежде чем искать следы слонов, я решил убить буйвола, коих здесь было превеликое множество. Не далее полумили от лагеря мы наткнулись на тропу, широкую и утоптанную как проезжая дорога, очевидно, проложенную стадом буйволов, что прошли наверх из своих кормовых угодий на болотах, дабы провести день в прохладном воздухе возвышенностей. Я смело последовал по этой тропе; ведь какой бы ветер ни был, он дул на меня прямо с горного склона, то есть со стороны, в которую ушли буйволы, и животных не потревожил бы запах человека. Примерно через милю лес начал становиться гуще, и по характеру следа я понял, что должен быть близко к моей дичи. Ещё двести ярдов, и заросли сделались такими густыми, что, если бы не тропа, мы вряд ли смогли бы пройти сквозь них.

Гобо нёс мою «восьмёрку», в то время как у меня в руках был экспресс 570 (*восьмёрка - Eight-bore rifle – это гладкоствольное или нарезное оружие с гигантским калибром (порядка 21,6 мм). 570 Express – это нарезная винтовка под мощный патрон меньшего калибра (около 14,5 мм), но с высокой пробивной способностью. Прим. Пер.*). С нами было ещё двое туземцев. Когда мы подошли к зарослям, последние выказали крайнее нежелание идти дальше, указывая, что «некуда убегать». Я сказал им, что они могут не идти, если не

хотят, но я определённо иду дальше; и тогда, устыдившись собственной трусости, они последовали за мной.

“Ещё ярдов пятьдесят, и тропа вывела на маленькую поляну. Я опустился на колени, дабы присмотреться ко следу. Было очевидно, что стадо разделилось здесь и нырнуло в противоположные заросли маленькими группами. Я пересёк открытое место и, выбрав одну линию следов, проследовал за ней примерно шестьдесят ярдов, когда для меня стало ясно, что я, в буквальном смысле, буйволами окружён, но при этом заросли были так густы, что я не мог увидеть ни одного. В нескольких ярдах слева я слышал, как один трётся рогами о дерево, в то время как справа раздавалось изредка низкое и хриплое ворчание, которое говорило мне, как я неуютно близко к старому быку. Но, как бы то ни было, я крадучись двинулся к нему. Сердце то бухало в горле, то уходило в пятки. Я двигался так осторожно, будто ходил по яйцам на спор, поднимая каждый маленький кусочек дерева на своём пути и убирая его в сторону, дабы тот не треснул и не предупредил зверя. За мной гуськом шли трое моих слуг, и я, право, не знаю, кто из них выглядел наиболее испуганным. Вскоре Гобо дотронулся до моей ноги; я оглянулся и увидел, как он указывает наискось влево. Я немного приподнял голову и заглянул за массу лиан; там были густые заросли остроконечных алоэ, того вида, у которого листья торчат в стороны, а по другую их сторону, не далее пятнадцати шагов от нас, я разглядел рога, шею и линию спины огромного старого буй-

вола. Я взял свою винтовку и, встав на колени, приготовился выстрелить ему в шею, надеясь перебить тому позвоночник. Я уже прицелился насколько позволяли листья алоэ, когда он издал что-то вроде вздоха и лёг.

“Я оглянулся в смятении. Что теперь делать? Я не мог видеть, чтобы стрелять в него лежащего. Стрелять сквозь заросли? – листья могли отвести пулю. А если встать, он бы либо убежал, либо атаковал меня. Я размышлял и пришёл к выводу, что единственное, что можно сделать — это тоже лечь; ведь я не горел желанием бродить за другими буйволами в этих густых зарослях. Если буйвол лёг, ясно, что когда-нибудь он должен встать снова, так что это был просто вопрос терпения —”вести битву сидя”, как говорят зулусы.

“Я сел и закурил трубку, думая, что дым может достичь буйвола и заставит его встать. Но ветер дул в ином направлении, и план не сработал. Однако, когда она закончилась, дабы скоротать время, я зажёл другую. Впоследствии у меня были причины сожалеть об этой трубке.

Мы сидели так примерно между получасом и тремя четвертями часа, пока, наконец, я не начал искренне уставать от бездействия. Это было примерно так же скучно, как последний час комической оперы. Я мог слышать, как буйволы фыркают и передвигаются вокруг, и видеть красноклювых птиц-щелкунов, взлетающих с их спин, издающих некий шипящий звук, но я не мог видеть ни одного буйвола. Что касается моего старого быка, я думаю, он спал сном правед-

ника, потому как даже не шелохнулся.

Как раз когда я решил, что что-то должно быть сделано для спасения ситуации, моё внимание привлёк странный скрежещущий звук. Сначала я подумал было, что это буйвол, жующий жвачку, но был вынужден отказаться от этой идеи, потому что звук был слишком громким. Я переместился, посмотрел сквозь прорехи в кустах и мне показалось, что я увидел что-то серое,двигающееся примерно в пятидесяти ярдах, но не мог быть уверен. Хотя скрежещущий звук все ещё продолжался, я больше ничего не видел, поэтому перестал думать об этом и снова обратил своё внимание на буйвола. Вскоре, однако, произошло кое-что. Внезапно примерно в сорока ярдах от нас раздался громовой фыркающий звук, больше похожий на звук двигателя, тянущего тяжёлый поезд, чем на что-либо ещё в мире.

“Боже, — подумал я, поворачиваясь в направлении, откуда исходил скрежещущий звук, — это должен быть носорог, и он почуял наш запах”. Потому что, как вы, джентльмены, знаете, нет ошибки в звуке, который издаёт носорог, когда чует ваш запах.

Через секунду я услышал самый страшный треск. Прежде чем я успел подумать, что делать, прежде чем я даже успел встать, кусты позади меня, казалось, разорвались, и там появились, не более чем в восьми ярдах от нас, большой рог и злобный мерцающий глаз атакующего носорога. Он почуял нас или мою трубку, я не знаю что, и, следуя повадкам

этих животных, атаковал по запаху. Я не мог подняться, я не мог даже поднять ружье, у меня не было времени. Все, что я был в состоянии сделать, это откатиться как можно дальше с пути чудовища, насколько позволяли кусты. Ещё секунда, и он был надо мной, его огромная туша возвышалась как гора, и, клянусь, я потом целую неделю не мог избавиться от его запаха в ноздрях. Его горячее дыхание обдало моё лицо, одна из его передних ног едва не задела мою голову, а задняя на самом деле наступила на свободную часть моих брюк и прищемила немного моей кожи. Он прошёл надо мной, лежащим на спине, а в следующую секунду я увидел кое-что ещё. Мои люди были немного позади меня, и, следовательно, прямо на пути носорога. Один из них отпрыгнул в кусты и таким образом избежал столкновения. Второй с диким воплем вскочил на ноги и прыгнул, как резиновый мяч, в заросли алоэ, приземлившись прямо среди шипов. Но третий, это был Гобо, не мог никак уйти. Ему удалось встать на ноги, и это все. Носорог атаковал с опущенной головой; его рог прошёл между ног Гобо, и, почувствовав что-то на своём носе, он дёрнул головой вверх. Гобо взлетел высоко в воздух.

Он совершил полное сальто. Я увидел его лицо — но было серым от ужаса, и его рот был широко открыт. Он упал, прямо на спину огромного зверя, и это смягчило его падение. К счастью для него, носорог никогда не поворачивается, а потому тоот проломился прямо через заросли алоэ, едва не задев того моего человека, который в них прыгнул.

Затем последовало осложнение. Спящий буйвол на дальней стороне кустов, услышав шум, вскочил на ноги, и на секунду, не зная, что делать, застыл неподвижно. В этот момент огромный носорог наткнулся прямо на него и, подсунув свой рог под его живот, нанёс ему такой страшный удар, что буйвол перевернулся на спину, в то время как его нападающий полетел через него кувырком. Через мгновение, однако, носорог был уже на ногах и, повернувшись влево, проломился сквозь кусты вниз по склону и в сторону открытой местности.

Мгновенно все место ожило тревожными звуками. Со всех сторон стада фыркающих буйволов мчались сквозь лес, охваченные паникой, в то время как раненый бык на дальней стороне кустов начал реветь, как сумасшедший. Некоторое время я лежал совершенно неподвижно, горячо молясь, чтобы ни один из убегающих буйволов не пошёл моим путём. Затем, когда опасность уменьшилась, я встал на ноги, отряхнулся и огляделся. Один из моих парней, тот, который бросился в кусты, уже был на полпути вверх по дереву — если бы райские кущи были на его вершине, он не мог бы взобраться быстрее. Гобо лежал рядом со мной, громко стоная, но, как я подозревал, совершенно невредимый; в то время как из куста алоэ, в который прыгнул номер третий, доносились серия самых пронзительных воплей.

Я посмотрел и увидел, что этот парень находится в очень затруднительном положении. Огромный шип алоэ воткнул-

ся и прочно засел в его кожаном поясе. И хоть несчастный не пострадал, но, он не мог двигаться, в то время как в шести футах от него раненый буйвол, думая, без сомнения, что тот был виновником его несчастий, ревел и бушевал, и чтобы добраться до него, разрывал густые алоэ своими большими рогами. Было ясно, что нельзя терять времени, если я хотел спасти жизнь человека. Поэтому, схватив винтовку, которая, к счастью, не пострадала, я сделал шаг влево, поскольку носорог расширил отверстие в кустах, и прицелился буйволу в плечо, так как из-за моего положения я не мог сделать хороший боковой выстрел в сердце. Я видел, что носорог нанёс буйволу ужасную рану в живот, и что от удара столкновения его левая задняя нога вышла из сустава в бедре. Я выстрелил, и пуля, ударив в плечо, сломала его и опрокинула буйвола. Я знал, что он не сможет больше встать, потому что теперь он был ранен спереди и сзади, поэтому, несмотря на его ужасающий рёв, я подошёл ближе. Он лежал, яростно вращая глазами и разрывая землю рогами. Подойдя на два ярда к нему, я прицелился в позвонки его шеи и выстрелил снова. Пуля попала точно, и с глухим ударом он опустил голову на землю, застонал и умер.

После того, с помощью Гобо, который теперь встал на ноги, я начал высвобождать нашего несчастного товарища из куста алоэ. Это оказалось колючей задачей, но в конце концов его вытащили невредимым, хотя и в очень благочестивом и молитвенном настроении. Его “дух определённо смот-

рел в эту сторону”, сказал он, иначе он был бы сейчас мёртв. Поскольку я никогда не люблю вмешиваться в истинное благочестие, я не рискнул предположить, что его дух соизволил использовать мою винтовку в своих интересах.

Отправив этого парня обратно в лагерь, чтобы сказать носильщикам прийти и разделать буйвола, я подумал, что я в долгу перед тем носорогом и что я бы с удовольствием оплатил ему. Поэтому, не говоря ни слова о том, что было у меня на уме, я приказал оставшимся туземцам идти со мной и просто последовал по следу зверя. Он проломился через кусты, пока не достиг маленькой поляны. Затем, несколько умерив свой темп, он прошёлся по ней повдоль, а затем снова повернул в лес, направляя сквозь него свой путь к открытой земле, что лежала между краем зарослей и рекой. Проследовав за ним ещё милю или около того, я оказался совсем на открытом месте. Я достал очки и осмотрелся. Примерно в миле впереди было что-то коричневое — я подумал было, что это, должно быть, и есть мой носорог. Мы продвинулись ещё на четверть мили и тогда стало ясно, что это было не животное, а гигантский термитник. Это было донельзя странно, но я не собирался сдаваться - по следам нашего дружочка, я знал, что он должен быть где-то впереди. Но поскольку ветер дул прямо от меня к линии, по которой он следовал, а носорог может учуять вас примерно за милю, было бы небезопасно, как я понимал, продолжать следовать по его следу; поэтому я сделал обход в милю или более, пока не оказал-

ся почти напротив термитника, а затем снова огляделся. Это не помогло, я не смог увидеть своего зверя, и уже собирался сдаться и отправиться за несколькими антилопами, которых я видел на горизонте, когда внезапно на расстоянии около трёхсот ярдов за термитником, я увидел, как мой носорог встал на травянистом пятаке.

“Боже мой! — подумал я про себя, — он снова уходит”; но нет, постояв и уставившись на нас минуту или две, он снова лёг.

Теперь я оказался в затруднительном положении. Как вы знаете, носорог обладает очень плохим зрением, на самом деле его зрение так же плохо, как и его обоняние хорошо. Об этом факте он прекрасно знает, но он всегда использует свои природные дары по максимуму. Например, когда он ложится, он всегда делает это так, чтобы его голова была по ветру. Таким образом, если кто-либо пересечёт его ветер, он почувет и сможет убежать или атаковать; а если кто-либо появится с подветренной стороны, у него по крайней мере будет шанс увидеть его.

В общем вопрос был в том, как приблизиться на расстояние выстрела к этому чудовищу? После долгих размышлений я решил попробовать боковой подход, думая, что таким образом я смогу сделать выстрел в плечо. Крадучись мы приступили к манёвру - я первый, Гобо держался за полы моего пальто, а другой парень — за мучу Гобо. Я всегда использую этот план при выслеживании крупной дичи, потому что, ес-

ли следовать какой-либо другой системе, носильщики выйдут из строя. Мы благополучно прибыли на расстояние трёхсот ярдов, и тут начались настоящие трудности. Трава была так тщательно выедена дичью, что не было почти никакого укрытия. Следовательно, нам пришлось встать и двигаться на четвереньках, при этом в одной руке я по-прежнему держал винтовку. Мало-помалу мы продвигались вперёд, и, если бы не Гобо и его друг, без сомнения, все было бы хорошо. Но как я уже отмечал, туземец, выслеживающий дичь, всегда имеет то состояние ума, которое предположительно управляет страусом — пока его голова спрятана, он, кажется, думает, что ничего другого не видно. Так было и в этом случае, Гобо и другой туземец ползли на руках и ногах, опустив головы, но, к сожалению, я не заметил этого, пока не стало слишком поздно, держа фундаментальные части своих тел высоко вверх. Все животные так же подозрительны к этому концу человечества, как и к его лицу, и в этом факте я вскоре убедился. Как раз когда мы подошли на расстояние около двухсот ярдов, и я уже поздравлял себя с тем, что закончилось это путешествие под палящим солнцем, нещадно жёгшим затылок, со спины носорога, где они были удобно заняты ловлей клещей, вверх взлетели несколько птиц. А такая демонстрация со стороны птиц для носорога — это то же самое, что слово “директор” для школьника — она мгновенно приводит его в состояние повышенной бдительности.

— Ложитесь, — прошептал я парням, и когда они пали

ниц, носорог поднялся и подозрительно огляделся. На самом деле, я думаю, что он ничего бы не смог увидеть на таком расстоянии, даже если бы мы стояли; поэтому он просто несколько раз фыркнул, а затем лёг обратно, а птицы снова устроились на его спине.

Но было ясно, что он спал с открытым глазом, находясь в целом в подозрительном и нехристианском расположении духа, и что бесполезно было продолжать эту скрытную охоту, поэтому мы тихо отступили, чтобы обдумать ситуацию и просчитать варианты. Результаты были неудовлетворительными. За исключением термитника, поблизости абсолютно не было никакого укрытия, а этот песчаный замок находился на расстоянии примерно трёхсот ярдов от носорога с наветренной стороны. Я пришёл к единственному отчаянному решению: я пойду к термитнику, чтобы носорог смог меня почуять, и вместо того, чтобы выслеживать его, я позволю ему выследить меня. Это был безумно рискованный шаг, и тот, который я бы никогда не посоветовал иному охотнику повторять, но я чувствовал, что носорог и я должны разыграть эту партию до конца.

Я объяснил свои намерения людям, и те подняли руки в немом ужасе. Однако их страхи за мою безопасность были несколько смягчены, когда я сказал им, что я не ожидаю, что они пойдут со мной.

Гобо вознёс молитву, чтобы я не встретил Судьбу, бродящую вокруг, другой выразил надежду, что мой дух посмот-

рит в мою сторону, когда носорог будет атаковать, а затем они оба направились в безопасное место.

Взяв свою винтовку и полдюжины запасных патронов, я сделал обход и лёг за эфемерным сооружением земляных бучашек. Вскоре лёгкий ветерок подул в направлении носорога. Кстати, интересно, что так сильно пахнет в человеке? Его тело или его дыхание? Я никогда не мог понять, но где-то читал на днях, что в засадах для уток человек держит маленький кусочек горящего торфа перед ртом, и что если он делает это, утки не могут его почуять... Что ж, что бы ни привлекло его внимание, но вскоре носорог почуял меня, потому что меньше, чем через полминуты после того, как меня обдал ветерок, тот был на ногах и повернулся головой в мою сторону. Несколько секунд он постоял принохиваясь, а затем начал двигаться, сначала рысью, а затем, когда запах стал сильнее, бешеным галопом.

Если бы он видел, как я лежу там, он не мог бы идти по лучшей линии. Это была довольно нервная работа, скажу я вам, лежать там в ожидании его атаки, потому что он выглядел просто как несущийся на меня на всех парах паровоз из плоти. Я решил, однако, не стрелять, пока не смогу ясно видеть его глаз, а это правило всегда даёт правильную дистанцию для крупной дичи; поэтому я опер свою винтовку на конус термитника и ждал его, стоя на коленях. Наконец, когда он был примерно в сорока ярдах, я увидел, что настало время, и, прицелившись прямо в середину груди, нажал на

спуск.

Бах пошла тяжёлая пуля, и с громовым фырканием носорог перевернулся под её ударом, совсем как подстреленный кролик. Но если я думал, что с ним покончено, я ошибался, потому что через секунду он снова был на ногах и мчался на меня так же сильно, как и раньше, только опустив голову. Я подождал, пока он не будет в десяти ярдах, в надежде, что он подставит свою грудь, но он не сделал ничего подобного; поэтому мне просто пришлось рискнуть и выстрелить ему в голову. Пуля шла прямо в середину, но попав в рог, попросту отскочила в сторону.

После этого дела приняли довольно серьёзный оборот. Моё ружье было пустым, а чудовищная махина приближалась настолько быстро, что я пришёл к выводу, что лучше уступить ему дорогу. Я вскочил на ноги и побежал в сторону так быстро, как только мог. Мгновение спустя, носорог прибыл на полной скорости, снёс мой дружественный муравейник и в третий раз за этот день исполнил сальто мортале. Это дало мне несколько секунд форы, и я побежал в направлении ветра — боже, как я бежал! К сожалению, однако, моё скромное отступление было замечено, и носорог, как только нашёл свои ноги, принялся бежать следом. Ни один человек на земле не может бежать так быстро, как может галопировать разъярённый носорог, и я знал, что он скоро меня догонит.

Однако, имея некоторый опыт подобных приключений,

к счастью для себя, я сохранил присутствие духа, и прямо на бегу, я сумел открыть свою винтовку и переменить патроны. Чтобы сделать это, я был вынужден несколько замедлить свой темп, и к тому времени, когда защёлкнул винтовку, услышал, как зверь фыркает и грохочет лишь в нескольких шагах позади меня. Я взвёл винтовку и крутанулся назад. К этому времени зверь был в шести или семи ярдах от меня, но, к счастью, его голова была поднята. Я вскинул винтовку и спустил курок. Пуля попала ему в грудь в пределах трех дюймов от первой и нашла свой путь в его лёгкие. Однако, и это не остановило его, и мне пришлось снова отпрыгнуть в сторону, а когда он пронёсился мимо меня, выстрелить ему в бок со второго ствола. Это его добило. Пуля прошла за плечом и прямо через сердце. Он упал на бок, издал ещё один ужасный визг — дюжина свиней не могла бы издать такого шума — и мгновенно умер, сохраняя свои злобные глаза широко открытыми.

Что касается меня, я высморкался, подошёл к носорогу, сел на его голову и подумал, что утренняя охота вышла отменной.

Первый раунд

Было уже далеко за полдень. Я добыл достаточно мяса, потому мы отправились обратно в лагерь, где вскоре было готово рагу из буйволятины и консервированных овощей. Славно перекусив, я лёг вздремнуть. Однако около четырёх часов, Гобо разбудил меня и сказал, что глава одного

из краалей Вамбе прибыл, дабы повидаться со мной. Я приказал привести его, и вскоре предо мной предстал маленький, сморщенный, разговорчивый старик с кусочком ткани вокруг талии и потёртым, жирным карросом [*прим. перев.: плащом*] из кроличьих шкурок, покрывавшим плечи.

Я велел ему сесть, а затем отчитал в весьма суровой манере: “Что ты имел в виду, — спросил я, — беспокоя меня таким грубым образом?! Как ты осмелился заставить человека моего звания и очевидной важности проснуться, чтобы беседовать с твоей совершенно презренной персоной?!”

Я говорил так, потому что знал, что это произведёт на него впечатление. Он рассудил бы, что никто, кроме действительно великого человека, не осмелился бы говорить с ним таким образом. Большинство дикарей в душе отчаянные задиры, и воспринимают грубость как признак силы.

Старик мгновенно сломался. Он был полностью раздавлен и сказал, что его сердце разбито, и он хорошо осознаёт теперь степень своего плохого поведения. Но случай был очень срочным. Он слышал, что могучий охотник находится в этих краях, прекрасный белый человек, насколько прекрасный, что он не мог бы себе даже вообразить, если бы не увидел (это мне!), и он пришёл просить его помощи. Дело в том, что три диких слона, в течение многих лет были ужасом их краалю, который был лишь небольшим местом — скотным краалем великого вождя Вамбе, где они жили, чтобы присматривать за скотом. И вот теперь недавно эти слоны

причинили им очень много вреда - прошлой ночью они уничтожили огромный участок кукурузного поля, и он боялся, что если они вернутся, то все люди деревни будут голодать в следующем сезоне из-за нехватки пищи. Не согласится ли могучий белый человек прийти и убить слонов? Это было бы легко для него сделать — о, очень легко! Нужно только, чтобы он спрятался на дереве, ведь будет полная луна, а затем, когда появятся слоны, он поговорит с ними из ружья, и они упадут замертво, и на этом закончатся их проблемы.

Конечно, я мычал и качал головой, и делал большое одолжение, соглашаясь на его предложение, хотя на самом деле я был в восторге от такого шанса. Одним из условий, которое я поставил, было то, что к Вамбе, чей крааль находился в двух днях пути от того места, где я был, должен быть немедленно отправлен посланник, дабы сообщить тому, что я намереваюсь прийти через несколько дней, выразить своё почтение, и просить его формального разрешения на охоту в его стране. Также я намекнул, что я готов представить ему “хонго”, то есть откуп, и что я надеюсь немного поторговать с ним слоновой костью, которой я слышал, у него было в большом количестве.

Это сообщение старик обещал немедленно отправить, хотя что-то в его манере показывало мне, что он сильно сомневается в том, как оно будет принято.

После этого мы свернули лагерь и двинулись к краалю, который достигли примерно за час до захода солнца. Этот

крааль представлял собой скопление хижин, окружённых небольшой терновой изгородью, и может быть, всего их было не более десятка. Он располагался в небольшом распадке, по которому протекал ручей. Лощина была густо лесистой, но на некоторое расстояние выше краалья она была свободна от зарослей, и здесь на прекрасной плодородной земле, принесённой ручьём, находились обработанные земли, площадь которых составляла около двадцати или двадцати пяти акров. Со стороны деревни на поле стояла одинокая хижина, где жила старуха – первая жена нашего нового знакомца – главы краалья.

Эта леди, имея некоторое расхождение во мнениях со своим мужем относительно объёма власти, разрешённой более молодой и любезной жене, отказалась жить в краале, и, чтобы показать своё недовольство, поселилась в старом хранилище для кукурузы. Но как покажет исход, тем она накликала беду на свою голову. Как выражались африканцы – оторвала себе нос, чтобы наказать лицо.

Рядом с этой хижинкой рос большой баобаб. Взгляд на кукурузные поля показал мне, что старый глава краалья не преувеличивал ущерб, нанесённый слонами. Почти половина всего участка была уничтожена. Огромные звери съели все, что могли, а остальное попросту затоптали. Я подошёл к их следам и отпрянул в изумлении — никогда раньше я не видел ничего подобного. Особенно это касалось следов одного старого самца, который нёс, как говорили туземцы,

лишь один бивень. Любой из отпечатков его ног можно было использовать как сидячую ванну.

Оценив ситуацию, моим следующим шагом было подготовиться к битве. Три слона, по словам туземцев, ушли в заросли выше лощины. Теперь мне казалось весьма вероятным, что они вернуться сегодня ночью, чтобы питаться остатками созревающей кукурузы. Если так, то при полной луне и, как мне подумалось, с помощью небольшой изобретательности, я мог бы подстрелить одного или двух из них, не подвергая себя никакому риску, что, учитывая моё глубочайшее уважение к агрессивным повадкам диких слонов одиночек, было важным для меня соображением.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.